

DOI 10.15826/qr.2019.4.437

УДК 94(470)"19"+94(575.4)"19"+316.343.4+351.713

ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ ЗАСЕЛЕНИЯ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ*

Андрей Мамаев

Институт экономики РАН,
Москва, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

AN IMPERIAL PROJECT FOR THE COLONISATION OF MIRZACHO'L

Andrey Mamaev

Institute of Economics of RAS,
Moscow, Russia;
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article studies the development and passage of the bill concerning the colonisation of land irrigated by the state in Mirzacho'l (Rus. Голодная степь, lit. Hungry Steppe), a large area of Central Asia, in the early twentieth century. The new principles of organised colonisation supported by the state have not been studied previously. On the eve of the revolution, there was a process of "nationalisation" of the empire which involved the transformation of relations between the centre and the periphery. During the discussions, the government formulated the purpose of agrarian colonisation of Turkestan in the interests of the empire, which was followed by active measures taken for the geopolitical and economic consolidation of the periphery. For the first time in history, the centre determined the image of settlers and their economy, setting the ambitious goal of creating a "Russian Turkestan". The leading role was played

* Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)» (This research was supported by the Russian Science Foundation, project 18-18-00142 "The Centre and the Regions: State Economic Policy on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917)").

** Citation: Mamaev, A. (2019). An Imperial Project for the Colonisation of Mirzacho'l. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1259–1274. DOI 10.15826/qr.2019.4.437.

Цитирование: Мамаев А. An Imperial Project for the Colonisation of Mirzacho'l // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1259–1274. DOI 10.15826/qr.2019.4.437 / Мамаев А. Имперский проект заселения Голодной степи // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1259–1274. DOI 10.15826/qr.2019.4.437.

by A. V. Krivoshein, head of land management and agriculture. The study refers to published and archival legislative and administrative documents, works of officials and statesmen, and materials from the State Duma. It is concluded that through legislation, the authorities organised the selection of wealthy settlers-to-be who had experience in agriculture and set a number of restrictions for them. The government intended to create a stratum of petty Russian farmers in Turkestan who would lead a profitable economy on irrigated lands without using hired labour: they would grow the cotton necessary for the state while ensuring the strengthening of economic ties with the imperial centre and serving as a role model for the indigenous population in economic and cultural terms. The bill also testified to the strengthening of Russian nationalism among the authorities. The study demonstrates that the government's initiative as a whole received support in the Duma, which established the basis for the equality of all estates and reflected the debatable character of the need for national and cultural restrictions. However, the implementation of the law and the establishment of "Russian Turkestan" were interrupted by the war and the revolution.

Keywords: early 20th-century Russia; Turkestan; Mirzacho'l; irrigation; colonisation; bills.

Исследуются разработка и принятие в начале XX в. законопроекта о заселении орошенных государством земель в крупном районе Средней Азии – Голодной степи. Происходившее в тот период становление новых принципов «организованной» колонизации региона при государственной поддержке, изучение которых является целью статьи, до сих пор не получало должного внимания специалистов. Накануне революции происходил процесс «национализации» империи и трансформации отношений между центром и окраинами. В правительстве в ходе дискуссий была четко сформулирована цель аграрной колонизации Туркестана в интересах империи, и начался переход от проекта к активным действиям для геополитического и экономического закрепления окраины. Центр, поставивший амбициозную цель создания «русского Туркестана», впервые определял желаемый образ переселенца и его хозяйства и организовывал соответствующий отбор. Ведущую роль в формулировании этого курса правительства сыграл главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин. Исследование опирается на опубликованные и архивные законодательные и делопроизводственные документы, работы чиновников и государственных деятелей, материалы Госдумы. Делается вывод, что власти законодательным путем вводили отбор зажиточных и опытных в сельском хозяйстве переселенцев и устанавливали для них ряд ограничений. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые бы вели доходное хозяйство на орошенных землях без использования наемного труда, выращивая необходимый для государства хлопчатник, при этом укрепляли хозяйственные связи с имперским центром и являлись примером для коренного населения в экономическом и культурном отношении. Законопроект также свидетельство-

вал об укреплении во властных кругах идеологии русского национализма. Инициатива правительства получила поддержку в Думе, которая установила начало всесословности и продемонстрировала разногласия о необходимости национальных и культурных ограничений. Однако реализацию закона, создание «русского Туркестана» прервали война и революция.

Ключевые слова: Россия в начале XX в.; Туркестан; Голодная степь; орошение земель; колонизация; законопроекты.

Туркестан в начале XX в., имея важное военно-политическое значение для России, нуждался в хозяйственном освоении в интересах метрополии и значительных вложениях в развитие. Россия к тому времени, наряду с успехами модернизации, столкнулась с аграрным перенаселением и малоземельем в европейской части страны, в то время как Средняя Азия, казалось, обладала огромным запасом свободных земель. Пригодными для земледелия, как выяснили ученые, были почвы к юго-западу от Ташкента площадью более 1 млн га на левобережье реки Сырдарья после ее выхода из Ферганской долины. В вольном переводе с узбекского русские географы назвали эту часть Голодной степью. Но для их сельскохозяйственного использования требовались искусственный полив и мелиорация.

Несмотря на закрытие края, Туркестан наполняли самовольные переселенцы, вынужденные обходить или нарушать закон, вступать в неформальные соглашения и зависимость, как подчеркивали власти, от чуждого в религиозном и культурном отношении населения. К началу 1912 г. число безземельных русских крестьян в крае доходило до 50 тыс. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 37 об.]. Все более национализирующаяся империя парадоксально, в интересах сохранения социального порядка, была вынуждена противостоять этому самовольному движению из метрополии на окраину.

В начале XX в. в ситуации соперничества великих держав и зарождающегося окраинного и великорусского национализма в имперском центре была сформулирована задача экономического освоения, эксплуатации ресурсов и геополитического закрепления Средней Азии – ее колонизации путем планомерного и регулируемого законами заселения переселенцами из центра России, которые бы стали движущей силой экономического развития региона. Это становилось особенно важным, так как лояльности местного населения быстро добиться не удалось.

Сторонником расширения сельскохозяйственной колонизации являлся занявший в 1908 г. пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, а до этого возглавлявший Переселенческое управление А. В. Кривошеин, которого современники называли «министром Азиатской России». «Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой», – отмечал он в 1912 г. в записке по итогам поездки в Турке-

стан, указывая, что «будущее края – в сельском хозяйстве, и притом хозяйстве особом: промышленном, сложном» [Записка А. В. Кривошеина, с. 55, 76]. Идеи колонизации принципиально поддерживали военные министры А. Ф. Редигер (1905–1909) и В. А. Сухомлинов (1909–1915) [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 28 об., 30].

Существенной помехой при организации переселения было то, что удобные для земледелия земли были заняты коренным населением. Российское государство действовало двояко: теснило кочевников, вызывая их недовольство, и намеревалось ввести в сельхозоборот новые земли путем их орошения. Второй вариант власти признавали наилучшим и «самым правильным», но, как отмечал туркестанский губернатор Д. Суботич (1905–1906), «путь этот медленный и дорогой» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412. Л. 31–33, 36 об.].

Идея ускоренной русской колонизации Туркестана, продвигавшаяся Кривошеиным, встречала сопротивление как части туркестанских чиновников, так и имперской бюрократии. Скептически был министр финансов В. Н. Коковцов, который в 1908 г. заявлял премьеру П. А. Столыпину, что проблему переселения в Туркестан и ирригации следует считать второстепенной и соответственно распределять средства [РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 22 об., 37–37 об., 98 об. –99]. Принципиальное несогласие с форсированным государственным вмешательством в колонизацию Туркестана выразил сенатор К. К. Пален, ревизовавший край в 1908–1909 гг. Он пришел к выводу о нежелательности изъятия земель у коренных жителей и предупреждал, что это ведет к розни и вражде. По мнению сенатора, цель обрусения и закрепления края через переселение была недостижима. Пален выступил за развитие Туркестана путем частной предприимчивости, введения земель в гражданский оборот, создания благоприятных условий для «сильных представителей русской народности» [Отчет по ревизии Туркестанского края, с. 417–418]. С приходом Кривошеина в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) укрепилась тенденция активного государственного вмешательства в переселение в Среднюю Азию.

Первым крупным орошенным за счет казны районом в Туркестане стала северо-восточная часть Голодной степи в Самаркандской области – порядка 45 тыс. десятин. Составленные к началу войны проекты орошения предполагали охват 940 тыс. десятин. Как отмечал глава ГУЗиЗ А. В. Кривошеин, «цель правительственной работы в Туркестане» – оросить не менее 3 млн десятин земли, что могло дать «еще около 20 млн пудов хлопка и 300 тысяч крепких русских хозяйств, т. е. свыше 1,5 млн русского населения», создав «второй Туркестан», «и новое население его будет русским». Цена преобразования Туркестана составила бы до 700 млн руб. от казны, полагал Кривошеин. Он был уверен, что затраты с избытком окупятся «в несколько лет», также было очевидно, что расходы будут постепенными [Записка А. В. Кривошеина, с. 30, 53, 67, 72, 80].

Появление к 1913 г. в районе Голодной степи значительного объема свободных орошенных земель привело к подготовке законодательного акта, который должен был определить, кому и на каких основаниях раздать земли, а также обеспечить возможность «направленного» развития земледелия и его приспособления к местным условиям. Проект опирался на аналогичный – о заселении орошенных участков Муганской степи на Кавказе. Значение проекта заселения орошенных земель Голодной степи подчеркнул в ходе обсуждения в Госдуме докладчик переселенческой комиссии Д. П. Капнист. Он отметил, что этот проект не чисто переселенческий: «это... первый законопроект, который говорит о колонизации Туркестанского края» [Госдума. Четвертый созыв. Сессия первая. Ч. 3. Стб. 2305]. Впервые на практике должна была начать реализовываться идея планомерного заселения Туркестана русскими. Кривошеин надеялся, что «в центре Туркестана, в бесплодной степи, возникнет новый оазис: целый русский уезд с десятками тысяч жителей и с производством хлопка в сотнях тысяч пудов» [Записка А. В. Кривошеина, с. 37].

В историографии традиционно основное внимание обращалось на господствующий способ – изъятие «излишней» земли у кочевников, так как именно это усиливало напряженность, а успехи государства в орошении региона характеризовались как незначительные, как и масштабы переселения на вновь орошенные земли, однако глубокой проработки и анализа законодательства не проводилось [Аминов; Верещагин; Котюкова; Покорение Голодной степи].

Вопрос орошения Голодной степи начал разрабатываться уже в первые годы после присоединения края к России. Сначала проекты были неудачными или требовали значительного финансирования, которое не выделялось. В частном порядке князь Николай Константинович Романов к 1896 г. возвел технически несовершенный канал «Николай I», оросивший более 5 тыс. десятин. Сооружение было выкуплено казной. Великий князь на практике показал возможность осваивать земли и развивать земледелие путем ирригации [Покорение Голодной степи, с. 21–27].

В 1901 г. началось строительство Романовского канала, призванного оросить порядка 45 тыс. десятин северо-восточной части Голодной степи. Оно затянулось на 12 лет из-за технических недоработок, плохой организации процесса и слабого финансирования государством. В июне 1911 г. был утвержден законопроект об ассигновании на опытные работы почти 5 млн руб., что резко ускорило ход строительства, и 5 октября 1913 г. Романовский канал, ставший крупнейшим каналом в России и одним из крупнейших в Азии, был открыт [Аминов, с. 231–232; Покорение Голодной степи, с. 28–33]. Первый практический опыт казенного орошения в Туркестане показал невысокую эффективность с учетом затраченного на него времени и упущенных возможностей развития ирригации частным капиталом. Однако он имел символическое значение. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов

в приглашениях высшим чиновникам и военным подчеркивал, что «предприятие это знаменует собой в наших среднеазиатских владениях, искони бедных орошением, начало грандиозных оросительных работ», «является крупнейшим залогом наиболее прочного водворения здесь русской гражданственности и русской культуры» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 841. Л. 132–133; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4256. Л. 12–12 об., 21].

В 1906 г. в ведение переселенческой организации была передана первая тысяча орошенных десятин казенной земли в Голодной степи, нарезано 100 участков по 10 десятин и водворено 65 семей, основавших поселок Спасский. На следующий год ведомству отошли еще 2 тыс. десятин, и к 1912 г. на участках жили 260 семейств – 1350 чел., в поселке появились школа, приемный покой с фельдшером и акушеркой и молитвенный дом. Почти треть посевной площади переселенцев была занята хлопком, пшеницей – почти 17 % [Скрыплев, с. 207–211, 215]. По данным Переселенческого управления, в 1913 г. в Голодной степи проживало уже 5 тыс. переселенцев, в том числе более 1 тыс. чел. в том году было водворено на землях, орошенных из Романовского канала. Также землю арендовали 800 самовольных переселенцев [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 125].

Искусственно привлекать на орошенные земли переселенцев не приходилось: несмотря на закрытие Туркестана, в регион шел постоянный приток русских крестьян. Однако их состав, от которого зависел успех колонизации, вызывал у властей большие вопросы. А. В. Самсонов в отчете за 1909 г. отмечал:

...контингент переселенцев является в значительной части не вполне удовлетворительным для целей русской колонизации края, потому что многие из них представляют собой крестьян, отвыкших уже от труда, непрерывно переходящих по Сибири и среднеазиатским владениям с целью получения пособия на устройство... и покидающих край тотчас по получении этого пособия.

Для решения этой проблемы генерал-губернатор предлагал дать право отбора «действительно нуждающихся в земле крестьян» земствам тех губерний, откуда шел наибольший поток, при этом не передавать переселенческие участки в собственность, а оставлять в ведении ГУЗиЗ [Всепопданнейший доклад А. В. Самсонова, с. 31–32].

На особые качества, требовавшиеся переселенцам, обращал внимание чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г. К. Гинс:

Колонисту необходимо обладать разнообразными познаниями: он должен быть не только земледельцем, но и ремесленником... Колонисту необходимо... обладать денежными средствами на первое оборудование. Наконец, колонист должен проявить сознательность: ему должны быть известны условия жизни и хозяйства той колонии, куда он направляется.

Он подчеркивал желательность заимствования европейского опыта поддержки переселения состоятельных людей: «пособия выдаются людям, которые обладают некоторыми средствами и обещают поэтому стать прочными засельщиками» [Гинс, с. 43, 45–48].

Прямую связь зажиточности крестьянина с успешностью колонизации проводили участники собиравшегося в мае 1911 г. Совещания для выработки преобразования управления Туркестанским краем. По их мнению, бесплатная раздача искусственно орошенной земли «приближалась бы к нехозяйственной растрате государственного достояния». Совещание признало необходимость заселения Туркестана «крепким крестьянством», сославшись на слова К. К. Палена по итогам ревизии, что «слабые элементы» при переселении приносили «пониженную нравственность, не способствовали поднятию производительности» [Отчет по ревизии Туркестанского края, с. 418–419]. Подчеркивалась важность культурного влияния, которое не могли обеспечить бедняки: из-за своего «беспорядочного уклада жизни» они, по мнению членов совещания, не пользовались уважением и «отвращали» местное население от возможности принятия в будущем русских обычаев и русской культуры [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 20–20 об.].

Кривошеин, посетивший Туркестан в 1912 г. для изучения возможностей его развития, в своей записке сформулировал связь государственной поддержки переселенцев с возможностью их качественного отбора и предъявлением к ним дополнительных требований. Главноуправляющий землеустройством и земледелием подчеркивал необходимость нацелить русских переселенцев на развитие ценного для страны хлопководства, а не на выращивание пшеницы, которую можно было бы привезти из других регионов. Как отмечал Кривошеин, дорогие орошенные земли не могли даваться русским переселенцам на обычных «сибирских» условиях: земли следовало давать переселенцам временно под обязательство «закультивировать определенную площадь под хлопок» (не менее трети), и лишь после получения такого «стажа» – в собственность, еще одним обязательным условием должен был стать отвод наделов в единоличную собственность – отрубам и хуторами, сохранение передельной общины было недопустимо [Записка А. В. Кривошеина, с. 61–63].

Размер участков для переселенцев на поливных землях, по мнению главы ГУЗиЗ, не мог быть значительным – его должны были обрабатывать отдельные семьи своими силами, средним размером отвода он считал 8–10 десятин орошенной земли на семью. При этом земля должна была передаваться переселенцам не даром, а за плату, покрывающую действительную стоимость земли и расходы казны на орошение. По мнению Кривошеина, это было необходимо и в связи с денежными интересами казны, и по «психологическим» соображениям – «купленное всегда милее дареного». Однако платежи должны были иметь льготный характер: допускались рассрочка и право рассчитываться не деньгами, а частью урожая [Там же, с. 65–66].

Госдума в 1910 г. при обсуждении сметы отдела земельных улучшений ГУЗиЗ тоже признала необходимым возмещение переселенцами расходов казны на орошение в зависимости от получаемых выгод и цены сооружений [Государственная дума. Третий созыв, стб. 754–761].

Кривошеин считал возможным в первое время не мешать передаче части наделов переселенцев в субаренду коренным жителям для скорейшего получения хлопка и «выучки» переселенцев. По его мнению, следовало разрешить продажу наделов одними переселенцами другим, более хозяйственным, но ввести запрет на сосредоточение наделов выше определенной нормы в одних руках, их перепродажу «туземцам» и иностранцам. Переселенцы должны были получать агрономическую помощь, нужно было удовлетворить их потребность в мелком кредите [Записка А. В. Кривошеина, с. 65].

Изложенные в записке главы ГУЗиЗ тезисы легли в основу составленного ведомством законопроекта об отводе русским переселенцам участков казенной орошенной земли в Голодной степи. При разработке проекта был использован утвержденный императором 28 июня 1912 г. закон об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи на юго-востоке Бакинской губернии на Кавказе. Тот, в свою очередь, основывался на общих правилах 1906 г. о переселении на казенные земли, накладывая на переселенцев в Муганскую степь ряд дополнительных ограничений. Они освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов полностью лишь на первый год после заселения (а не на пять лет, как по общему закону), на два последующих года – в половинном размере (а не на пять лет, как по общему закону). Устанавливались пятилетний срок перехода на единоличное пользование, предельная норма надела в девять десятин на двор, также вводился особый сбор на содержание и ремонт водных сооружений и заведование ими, запрещались посадка риса и сдача земли в аренду тем, кто не имели права получать переселенческие участки на Кавказе [Об отводе казенных орошенных участков, с. 291–292].

Совет туркестанского генерал-губернатора, рассматривавший проект по Муганской степи в декабре 1912 г., оценил его как вполне применимый к Туркестану с добавлениями и изменениями. Сроки предоставления льгот туркестанские чиновники сочли вполне достаточными. Изначально для переселенцев предлагалось установить имущественный ценз в 2 тыс. руб. капитала, но совет туркестанского генерал-губернатора не согласился с этой идеей, указав, что таких переселенцев «не так легко подыскать», а простое предъявление суммы не могло гарантировать ее принадлежность переселенцу. В законе предлагалось лишь указать, что зачисление и водворение переселенцев производятся «без всякого воспособления от казны». Предельную норму надела предлагалось ограничить восемью, а не девятью десятинами, так как земля Голодной степи была более плодородной при должном поливе. Также совет посчитал возможным допустить в Голодной степи рисовые посевы. Была рассчитана сумма особого

сбора с переселенцев на погашение расходов казны: при стоимости орошения в 7 млн 356,5 тыс. руб. выходил ежегодный платеж в 6,5 руб. с каждой десятины земли [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 33–36]. Генерал-губернатор А. В. Самсонов, согласившись с проектом в целом, предложил смягчить требования к переселенцам, чтобы ускорить заселение, в том числе выдавать им возвратные ссуды на домообзаводство, увеличить льготный срок и понизить ежегодную выкупную плату, что размывало идеи ГУЗиЗ, положенные в основу проекта [Там же. Л. 32–32 об.].

После обсуждения тезисов в Туркестане и их одобрения Азиатской частью Главного штаба в конце марта 1913 г. подготовленный переселенческим управлением ГУЗиЗ проект был представлен в Совет министров. В нем отмечались успехи русских крестьян в выращивании хлопчатника, усовершенствования в обработке почвы, использование технических новшеств. Это подводило к выводу, что русские переселенцы могут успешно развивать хлопководство. Ставилась задача создать из переселенцев в Туркестане столь же зажиточных хозяев, как и «окрестные туземцы». Начальник Главного штаба Н. П. Михневич отмечал:

Необходимо предотвратить поступление ценных земель в руки таких переселенцев, которые без опыта в культуре ценных растений и без достаточных денежных средств не в состоянии сделаться экономически сильным оплотом русского влияния в крае [Там же. Л. 50–50 об.].

Согласно проекту ГУЗиЗ, на орошенные земли Голодной степи приглашались безземельные переселенцы-арендаторы и рабочие, уже жившие в Туркестане и «свыкшиеся с особенностями туркестанского сельского хозяйства» [Там же]. Проект смягчал изложенные первоначально требования к переселенцам из Европейской России. В Туркестан допускались состоятельные русские крестьяне, которые имели в месте выхода имущество не менее чем в 1 тыс. руб., а не 2 тыс., как планировалось ранее. Оценка должны были проводить должностные лица, выдававшие ходаческие и проходные свидетельства. В проекте предлагалось сократить устанавливаемые общим законом льготные сроки по казенным и земским сборам, но сделать мягче, чем в законе по Муганской степи, так как, согласно имевшимся данным, нормальной доходности хозяйство в Туркестане могло достичь только на второй год после водворения. Поэтому предлагалось освободить новоселов от платежей в течение двух лет по водворении, а в следующие два года взимать их в половинном размере, чтобы хозяйство могло окрепнуть.

Срок для заселения зачисленных переселенцам участков устанавливался в один год (а не в шесть месяцев, как в Муганской степи), чтобы дать выходцам из Европейской России достаточный срок для ликвидации хозяйственных дел на родине. Земли предлагалось предоставлять

в подворно-наследственное пользование и отбирать у тех, кто в течение трех лет не приступил к их обработке, как и предполагали общие правила о переселении в отношении орошенных земель. Сохранялось ограничение размеров надела – наименьшей и стандартной нормой устанавливались восемь орошенных десятин земли на двор, а не 15, как в других заселяемых районах Азиатской России, чтобы не допустить имущественного расслоения и избежать найма поселенцами рабочих для обработки земли, как это происходило в туркестанских поселках, где норма была установлена в десять десятин на двор. Норма в восемь десятин, согласно статистико-экономическим обследованиям, оставляла в распоряжении семьи переселенцев свыше 500 руб. чистого дохода в год, или 65 руб. на десятину. Предельная норма в десять десятин все же допускалась «для особых случаев... по условиям почвы и орошения» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 40 об.].

Общая оценка затрат на орошение к тому времени повысилась до 8 млн 851 тыс. руб., в итоге расходы на орошение одной десятины земли были оценены в 155 руб., в то время как в Муганской степи – 40 руб. Указывалось, что ежегодная плата переселенцев не должна была значительно превышать земельные налоги, уплачиваемые «туземцами» (3–4 руб. с десятины), и она должна была носить характер платы не за землю, а за орошение.

Срок возмещения затрат казны на орошение не должен был быть слишком значительным – его установили в 20 лет по водворении поселенцев, чтобы в первые годы платежи были ниже, чем в последующие: в первые шесть лет – по 5 руб. с орошенной десятины, следующие пять лет – по 10 руб., и в последние пять лет – по 15 руб. Помимо этого, переселенцы, согласно проекту, должны были с первого же года после заселения платить сбор в 3 руб. с десятины в возмещение расходов по содержанию и ремонту оросительных систем и гидротехнических сооружений, а также оброчную подать в 30 коп. с десятины. По расчетам ведомства, при доходности с десятины в 65 руб. спустя четыре года казенные сборы в 8,3 руб. не могли считаться чрезмерными. ГУЗиЗ предлагало разрешить переуступать участки тем, кто имели право на устройство на этих землях, но уже без льгот, сдачу следовало запретить. Также запрещались посевы риса, которые вели к заболачиванию местности, вредно влияли на здоровье населения и требовали много воды [Там же. Л. 37–46]. Эти основания заселения Голодной степи предлагалось применить и к участкам тех, кто переселились ранее, но с сохранением их льгот.

Госконтроль, согласившись с проектом, предложил не устанавливать предельного размера сбора на содержание и ремонт водных сооружений, так как с развитием оросительной сети сумма могла повыситься, и не было оснований возлагать эту переплату на казну. В итоге в Думу проект поступил с указанием от председателя Совета министров В. Н. Коковцова, что сбор должен быть повышен с 3 до 5 руб. на десятину орошенной земли в год [РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 440. Л. 48–49].

Внесенный ГУЗиЗ проект обсуждался в Госдуме в июне 1913 г. Переселенческая комиссия Думы благосклонно отнеслась к законопроекту, предложив давать участки переселенцам всех сословий, а не только крестьянам, а для их прочного закрепления предпринять дополнительные меры: обеспечить агрономической помощью и мелким кредитом, немного увеличить размер наделов. В предлагаемом комиссией проекте не акцентировалось внимание на национальной и религиозной принадлежности переселенцев. Финансовая комиссия Госдумы внесла в проект редакционные изменения, прописав, что к заселению допускаются лица «коренного русского происхождения православного исповедания» и старообрядцы или сектанты по соглашению с МВД и военным министром [Приложения к стенографическим отчетам Госдумы, с. 7–11], эта норма была взята из общих правил по переселению 1906 г. в отношении переселенцев в Туркестан.

Вопрос о национальных и религиозных ограничениях спровоцировал в Думе дискуссию. Докладчик переселенческой комиссии октябрист Д. П. Капнист предложил разрешить заселение на орошенных землях не только православным, а лицам всех христианских вероисповеданий. Предложение прошло большинством в 108 голосов против 94. Капнист не согласился с утверждением об угнетении мусульман этим законопроектом: по его мнению, это была мера защиты «горсти русских переселенцев», которым не досталось бы земли без этих ограничений. Он обосновал ограничения и финансовым аргументом – за орошение платило государство, а сам Туркестан не давал дохода. С ним согласился другой октябрист И. И. Капнист, утверждавший, что иначе орошенные «на русские средства» земли, «затерянные в мусульманском мире», уйдут «туземцам», которые окажутся в более благоприятном положении, чем русские [Госдума. Четвертый созыв, ч. 3, стб. 2287–2288, 2294–2295, 2305–2307]. Если октябристы выступали с позиций равенства национальностей, обосновывая ограничения нарушенными правами русского населения в регионе, то правые объясняли их националистическими мотивами. Н. Е. Марков назвал другие народы «вторым сортом», нуждающимся в обрусении, и заявил, что русский народ в государстве должен иметь привилегированное положение [Там же, стб. 2295–2298].

Кадеты предложили отменить в проекте все национальные и религиозные ограничения и не поддержали введение принципа всесословности, отметив необходимость первоочередного устройства малоземельных крестьян. Критиковались наличие в проекте «доли увлечения колонизацией этого края чисто русскими элементами» и тенденция к ущемлению прав киргизов: если при проведении первого из каналов в Голодной степи (имени Николая II) участки раздавались не только русским, но и киргизам, то в новом проекте туземцы устранились и ставились в «тяжкое положение» «будущих работников переселенцев» [Там же, стб. 2289–2293]. Н. Н. Щепкин усомнился в связи между критерием обладания имуществом в 1 тыс. руб.

и подготовленностью переселенца к условиям Туркестанского края. Трудовик В. И. Дзюбинский отметил, что владелец имущества в 1 тыс. руб. мог заложить его и иметь долг в несколько тысяч рублей. Он полагал, что с экономической точки зрения целесообразнее дать землю местному населению, лучше знакомому с особенностями сельского хозяйства в климатических и культурных условиях Туркестана. Раскритиковали изложенные в проекте ограничения и думские мусульмане – прогрессист М. М. Далгат и представитель мусульманской группы Г. Х. Еникеев [Там же, стб. 2294–2295, 2300–2302, 2304–2305]. Завершил дискуссии начальник переселенческого управления Г. В. Глинка, отметивший, что национальные и религиозные ограничения на переселение в Туркестан уже законодательно действовали, так как были изложены в правилах о переселенцах 1906 г. Что касается имущественного ценза, то он, по мнению Глинки, был незначителен и необходим из-за жестких требований по оплате и срокам начала обработки земли [Там же, стб. 2309–2311].

Дума приняла законопроект, допустив к получению участков не только крестьян и мещан-земледельцев, а лиц всех сословий. Это было новшеством, так как общие правила исходили из сословного принципа, а внесенный переселенческим управлением проект, закреплявший равенство всех сословий в праве на переселение, был одобрен Думой только в мае 1916 г. Если проект ГУЗиЗ лишь указывал на прописанную в общих правилах норму, что правом на переселение в Туркестан обладают только лица «коренного русского происхождения», то в одобренном Думой проекте такое право давалось всем русским подданным, независимо от происхождения. Если правила 1906 г. допускали в Туркестан переселенцев только православного исповедания и ряда «старообрядческих согласий и сектантских толков», то думский вариант – всех христиан. Дума согласилась с принципом, что переселенцы должны были либо проживать в пределах Туркестанского генерал-губернаторства в качестве рабочих или арендаторов земельных участков, либо соответствовать цензу в 1 тыс. руб.

Размер участка должен был составлять от восьми до десяти десятин удобной земли на двор, причем Дума также прописала в проекте нормы участков под церкви (33 десятины) и школы (две десятины). Думцы согласились с правилом, что водворившиеся на два года полностью освобождаются от казенных платежей и земских денежных сборов, а в следующие два года облагаются в половинном размере, уточнив, что срок считается со следующего за водворением полугодия [Проекты законов, одобренные Госдумой, с. 64–66]. Были одобрены установленные ГУЗиЗ особый ежегодный сбор в казну на погашение капитальной стоимости оросительных сооружений и временная оброчная подать, но с четким указанием, что они платятся в течение 16 лет после завершения льготного четырехлетнего срока. В проекте фиксировался внесенный ГУЗиЗ пункт, что сумма сбора на содержание и ремонт водных сооружений составляет до 5 руб. в год с десяти-

ны с первого же года по водворении, но уточнялось, что основания для определения размера и раскладки сбора должны установить особые правила, которые следовало издать ГУЗиЗ по соглашению с заинтересованными ведомствами.

Дума согласилась с принципом, что при переуступке земли вновь водворившиеся не пользуются льготами по казенным платежам и земским денежным сборам. Наказание за рисовые посевы было ужесточено: если проект ГУЗиЗ содержал ссылку на статью Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которая предполагала денежное взыскание не свыше 50 руб. [Устав о наказаниях, с. 106], то Дума установила твердую сумму денежного взыскания в 50 руб., причем с каждой засеянной рисом десятины [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 69–71].

Одобренный Думой проект был отправлен в Госсовет, где его рассматривала особая комиссия под председательством П. Ф. Унтерберге-ра, ее зампредом был В. И. Тимирязев [Там же. Л. 50]. Госсовет 28 февраля 1914 г. отказался утверждать проект, была создана согласительная комиссия для рассмотрения «разномыслий» [Госдума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. Стб. 1682–1683]. По итогам ее работы Госдума приняла проект в измененном виде. Уточнялось, что участок могут получить не просто рабочие в Туркестане, а только те, кто были заняты на земле, переселенцы из Европейской части России должны были заранее получить удостоверения, что они имеют имущество ценностью не менее чем в 1 тыс. руб. Не допускались к заселению орошенных казенных участков «последователи таких вероучений, которые отрицательно относятся к исполнению воинской повинности». Также Госсовет дополнил норму о переуступке, указав, что землю могли получить только те, кто еще не пользовался участками казенных орошенных земель Голодной степи. Было введено жесткое ограничение на сдачу земли внаем: в общей совокупности один двор не мог арендовать больше десяти десятин – максимального размера переселенческого участка, а меру наказания за посев риса было решено не прописывать в законе, а ввести в качестве статьи в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Проекты законов, одобренные Госдумой, с. 732–735]. С такими поправками закон 21 июня 1914 г. утвердил Николай II – спустя полтора года с начала обсуждения проекта [Госдума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 5, стб. 1399–3].

ГУЗиЗ не только заботилось непосредственно о подборе переселенцев и процессе переселения в Голодную степь, но и стремилось развивать инфраструктуру. В 1914 г. в Голодной степи близ Среднеазиатской железной дороги был основан первый торгово-промышленный поселок Самсонов (ныне в черте города Сырдарья в Узбекистане), которому предназначалась роль экономического и административного центра «хлопкового оазиса». ГУЗиЗ ожидало его разрастания в «большой город» с развитой торговлей хлопком и хлопковой промышленностью. В поселке имелось свыше 2 тыс. усадебных мест, к концу 1915 г. было

сдано в аренду 316 участков, обзавелись или обзаводились постройками около 80 чел., в нем создали больницу, школу, библиотеку, оросительную сеть. Переселенческое управление признавало условиями успешного развития поселка его благоустройство и продолжение заселения Голодной степи [Переселение и землеустройство, с. 89–91, 100–101].

В 1914–1915 гг. разрабатывался новый проект орошения Голодной степи на площади более 500 тыс. га. В конце 1914 г. технический комитет отдела земельных улучшений ГУЗиЗ внес в Госдуму предложение выделить за пять лет 8 млн руб. для работ по проекту, которых в связи с войной не нашлось. Освоение земель отставало от их ирригационной подготовленности. Так, в 1914 г. из 43,4 тыс. га орошенных земель было засеяно всего 14 тыс. га, а в 1917 г. из 68,9 тыс. га фактически посеяны заняли 34,5 тыс. га [Покорение Голодной степи, с. 45, 47]. При этом государственные траты на каждую орошенную десятину оказались больше планируемых и должны были составить в 1916 г. порядка 11 руб. в год, в итоге разница с выплачиваемыми переселенцами 5 руб. покрывалась из казны [Аминов, с. 234]. К 1917 г. в Голодной степи, по данным А. П. Фомченко, было водворено 1250 семей, создано восемь переселенческих поселков и свыше 60 хуторов. Если в 1914 г. хлопчатником здесь было занято почти 5 тыс. га, то к 1917 г. – 19 тыс. га, то есть русские переселенцы оказались в силах отойти от чисто зернового хозяйства [Фомченко, с. 68, 81].

Закон, охарактеризованный в Думе как первый, касающийся колонизации Туркестанского края, создавал альтернативу занятию переселенцами отобранных у коренного населения земель и вводил в организованное русло переселение из Центральной России. Это могло способствовать устранению противоречий между пришлыми и коренными жителями. Предполагалось, что закон стимулирует развитие хлопководства в русских хозяйствах, улучшит положение скопившихся в регионе безземельных переселенцев, создаст в Туркестане слой зажиточных мелких русских земледельцев, использующих передовые приемы обработки земли, защитит от концентрации участков в одних руках. «Крепкие» переселенцы могли бы обеспечить рынок в аграрно-капиталистическом развитии региона, стать примером для коренного населения, приобщить его к русской культуре. В то же время процесс подготовки и обсуждения проекта свидетельствовал об усилении во властных кругах идеологии русского национализма: государство демонстрировало заботу прежде всего о русских переселенцах и делало капиталовложения в их интересах, пренебрегая нуждами коренных жителей.

Площадь первых орошенных казной земель в Туркестане и число переселенцев для размещения на этой территории были слишком незначительными в сравнении с общим притоком крестьян из Европейской России и количеством коренного населения. Переселенцы спустя несколько лет в условиях войны и революции лишились государственного покровительства и помощи. Идее создания «русского Туркестана» не суждено было сбыться.

Список литературы

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 298 с.

Верецагин Н. Д. Переселенческая политика царизма в Сырдарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1951. 15 с.

Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Ташкент : [Б. и.], 1910. 58 с.

Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб. : [Б. и.], 1913. 48 с.

Государственная дума. Третий созыв : Стенографические отчеты. Сессия третья. 1910 г. : в 4 ч. СПб. : Гос. тип., 1910. Ч. 3. 3246 стб.

Государственная дума. Четвертый созыв : Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая : в 3 ч. СПб. : Гос. тип., 1913. Ч. 3. 2698 стб.

Государственная дума. Четвертый созыв : Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая : в 5 ч. СПб. : Гос. тип., 1914. Ч. 2. 1994 стб. Ч. 5. 1396 стб.

Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб. : Гос. тип., 1912. 88 с.

Котюкова Т. В. Краина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Науч.-полит. кн., 2016. 391 с.

Об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи // Столыпин П. А. Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 2. С. 291–292.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб. : Сенат. тип., 1909–1911. 419 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг. : Переселенческое упр., 1916. 398 с.

Покорение Голодной степи. Ташкент : Узбекистан, 1980. 323 с.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. 4. СПб. : Гос. тип., 1913. Разд. паг.

Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. 1. Пг. : Гос. тип., 1914. 915 с.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412, 4218, 4256.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428А; Оп. 8. Д. 22; Оп. 9. Д. 440; Оп. 9. Д. 841.

Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // Вопр. колонизации. 1913. № 12. С. 203–224.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / изд. Н. С. Таганцевым. Пг. : Гос. тип., 1914. 92 с.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент : ФАН, 1983. 128 с.

References

Aminov, A. M. (1959). *Ekonomicheskoe razvitiye Srednei Azii* [Economic Development of Central Asia]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 298 p.

Fomchenko, A. P. (1983). *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [Russian Settlements in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Centuries (Socio-Economic Aspect)]. Tashkent, FAN. 128 p.

Gins, G. K. (1913). *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and Colonisation]. St Petersburg, S. n. 48 p.

Gosudarstvennaya дума. Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya pervaya v 3 ch. [State Duma. Fourth Convocation. Verbatim Record. Session 1. 3 Parts]. (1913). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 3. 2698 columns.

Gosudarstvennaya дума. Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya vtoraya v 5 ch. [State Duma. Fourth Convocation. Verbatim Record. Session 2. 5 Parts]. (1914). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 2. 1994 columns. Part 5. 1396 columns.

Gosudarstvennaya дума. Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya tret'ya v 4 ch. [State Duma. Third Convocation. Verbatim Record. Session 3. 4 Parts]. (1910). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 3. 3246 columns.

Kotyukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Periphery on a Special Ruling... Turkestan on the Eve of Drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 391 p.

Ob otvode kazennykh oroshennykh uchastkov v Muganskoï stepi [On the Withdrawal of State-Irrigated Plots in the Mugan Steppe]. (2011). In Stolypin, P. A. *Programma reform. Dokumenty i materialy v 2 t.* Moscow, ROSSPEN. Vol. 2, pp. 291–292.

Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi senatorom K. K. Palenom. Pereselencheskoe delo v Turkestane [Report on the Audit of Turkestan Region, Made by Senator K. K. Palen. Resettlement in Turkestan]. (1909–1911). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 419 p.

Pereselenie i zemleuстроistvo za Uralom v 1915 g. (otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniya za 1915 g.) [Resettlement and Land Management beyond the Urals in 1915 (Report on the Work of the Resettlement Department for 1915)]. (1916). Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie. 398 p.

Pokorenie Golodnoi stepi [The Conquest of Mirzacho'ï]. (1980). Tashkent, Uzbekistan. 323 p.

Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoi dumy. Chetvertyi sozyv. Sessiya pervaya, 1912–1913 gg. [Appendices to the Verbatim Records of the State Duma. Fourth Convocation. Session 1, 1912–1913]. (1913). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Iss. 4. Razdel'naya paginatsiya.

Proekty zakonov, odobrennye Gosdumoi. Chetvertyi sozyv. Sessiya vtoraya, 1913–1914 gg. [Draft Laws Approved by the State Duma. Fourth Convocation. Session 2, 1913–1914]. (1914). Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya. Iss. 1. 915 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1276. List 4. Dos. 428A; List 8. Dos. 22; List 9. Dos. 440; List 9. Dos. 841.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 400. List 1. Dos. 3412, 4218, 4256.

Skryplev, P. (1913). Khlopkovodstvo i russkie pereselentsy [Cotton Farming and Russian Settlers]. In *Voprosy kolonizatsii*. No. 12, pp. 203–224.

Tagantsev, N. S. (Ed.). (1914). *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Statute of Penalties Imposed by Magistracy]. Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya. 92 p.

Vereshchagin, N. D. (1951). *Pereselencheskaya politika tsarizma v Syr-Dar'inskoi oblasti Turkestanskogo kraja v gody stolypinskoi reaktsii* [Resettlement Policy of Tsarism in the Syr-Darya Region of Turkestan Region in the Years of the Stolypin Reaction]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 15 p.

Vsepoddanneishii доклад Turkestanskogo general-gubernatora A. V. Samsonova o polozhenii Turkestanskogo kraja v 1909 godu [The Most Loyal Report of Turkestan Governor-General A. V. Samsonov about Turkestan Region in 1909]. (1910). Tashkent, S. n. 58 p.

Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleuстроistvom i zemledeliem A. V. Krivosheina o poezdke v Turkestanskiï kraj v 1912 g. [The Note of the Chief of Land Management and Agriculture A. V. Krivoshein about his Trip to Turkestan Region in 1912]. (1912). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 88 p.

The article was submitted on 13.04.2019